

С.Б. Куликов

ПРОБЛЕМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СОЦИАЛЬНОГО И ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНОГО ЗНАНИЯ

Томский государственный педагогический университет

В настоящее время актуальна проблема выделения фундаментального базиса междисциплинарно-взаимодействия отдельных областей знания. Это обусловлено, прежде всего, необходимостью выявления общих путей установления критериев научности знания, а также принципиальным сомнением в самой возможности таких критериев, характеризующим эпоху господства постмодернистских и постметафизических установок.

Как замечает В.Н. Сыров по поводу критериев экспертизы философско-исторических проектов, «в контексте доминирования релятивистских установок встает закономерный вопрос: как возможно научное знание об изменяющихся, неустойчивых объектах, как вообще возможно научное знание, какую ценность оно может иметь? Естественно, что речь идет не о науке как социальном институте и не о современных науках с их методологией, а о научности в том смысле, в каком ее всегда трактовала философия, а именно о возможности суждений со статусом всеобщности и необходимости» [13, с. 32].

В связи с этим мы полагаем, что анализ вопроса о базисе взаимодействия социального и естественнонаучного знания позволит раскрыть некоторые пути обнаружения строгих критериев научности. Отсутствие данных критериев влечет трудности в различении сферы сугубо научного познания, а также области вненаучных форм исследовательской деятельности (например, искусства).

В то же время вопрос о базисе междисциплинарного взаимодействия является актуальным также с точки зрения развития науки, естественным образом ведущего к возникновению направлений, требующих установления связи между отдельными исследованиями в изучении разнородных, а зачастую прямо противоположных фрагментов действительности. Такие направления, как биоэтика, психофизиология, нейролингвистическое программирование и другие отсылают к постановке вопросов, сама возможность ответа на которые предполагает выход за пределы традиционной модели становления научной мысли (отраслевого членения на сферу естествознания и область социально-гуманитарных дисциплин).

Как замечает А.Л. Никифоров, придерживаясь в целом позиций интегративного пессимизма и выделяя комплекс необходимых оснований дифференциации наук (онтологическое, гносеологическое,

методологическое и социальное [9, с. 262–272]), «единство научного знания иногда обосновывают ссылкой на материалистическое положение единства мира. Мир един в силу своей материальности; всякая наука изучает стороны и свойства движущейся материи, поэтому научное знание едино в том смысле, что все оно является отражением материального мира» [9, с. 262–263]. Таким образом, одна из возможностей интеграции соответствует идее материального единства Вселенной, а также собственной корреспонденции этого единства концепции науки как способа отражения, процесса конституирования целостной картины мира.

В рамках этой интерпретации наука имеет парадоксальные черты равнозначной направленности как в сторону интеграции, так и обнаружения дифференциальных тенденций. А.Л. Никифоров утверждает, что «...для последовательного материалиста здесь нет проблемы: нет наук, изучающих феномена “иного” мира. Однако вопрос о единстве научного знания остается, и это свидетельствует о том, что его постановка связана не столько с борьбой против спиритуализма, мистики, религии, сколько с дифференциацией наук, а признание последней вполне совместимо с тезисом о единстве мира» [9, с. 263]. В данном отношении мы занимаем принципиальную позицию, суть которой в том, что раскрытие базиса взаимодействия социального и естественнонаучного знания возможно в условиях особой версии философского подхода к проблемам научных исследований.

Отметим, в связи с этим, что в работах Аристотеля, И. Канта, Ф. Шеллинга, Г. Гегеля, А. Шопенгауэра, Г. Риккерта, Э. Гуссерля и других авторов при всем, зачастую, принципиальном отличии их позиций в целом признается, что философия равносильна науке, которая исследует сущее как таковое. Они полагают, что обыденное знание становится наукой благодаря систематическому единству, а система всего философского знания и есть философия. По И. Канту, это суть наука чистого разума, а согласно Г. Гегелю, она определяется как познание необходимого содержания в абсолютном представлении. Причем философское воззрение на мир имеет своим объектом сущность или идею самого мира, поэтому философия, как полагают А. Шопенгауэр и Г. Риккерт, есть цельное знание, которое составляет особую форму мировоззрения и

охватывает созерцание временного и жизни в связи со сверхвременной сущностью мирового целого. В.С. Соловьев замечает, что предмет философии лежит за пределами эмпирического и абстрактно-аналитического (рассудочного) понимания действительности. Предметная область философии соотносится с чистым умозрением. В этом смысле философия, по Э. Гуссерлю, есть «радикальная» наука как фундаментальное знание в отношении оснований собственной деятельности [1, с. 276; 5, с. 614, 610; 14, с. 1545; 2, с. 343; 17, с. 361; 11, с. 22; 12, с. 205; 3, с. 742–743].

Данной линии, во многом, противостоит направление осмысленности философии, связанное с представлениями С. Кьеркегора, К. Ясперса, Л. Шестова и других сторонников экзистенциализма. Идеи этих мыслителей не составляют целостной картины. Экспозиция их взглядов – результат реконструкции целого. В тезисной форме оно может быть интерпретировано так: философия есть предельное познание, базовые характеристики которого соответствуют познаваемому, а именно: существованию человека, носящему внерациональный характер индивидуализированного процесса освобождения [18, с. 166, 170, 500, 250; 8, с. 222–224; 15, с. 653; 16, с. 405].

Общая структура самоопределения философии предполагает два необходимых и достаточных элемента. Первым элементом является утверждение особой ценности философского знания, его безусловности или безотносительности, в отличие от иных возможных познавательных форм. Безусловность отражается в самоопределении философии в качестве поиска «предельных оснований». Во-первых, это основания познания (Аристотель, И. Кант, Ф. Шеллинг, Г. Риккерт, Э. Гуссерль), во-вторых, фундамент мирового сущего в целом (Г. Гегель, А. Шопенгауэр), в-третьих, базовые принципы подлинности человеческого существования (С. Кьеркегор, К. Ясперс, Л. Шестов). Вторым элементом выступает указание на историческое многообразие форм безусловности, которое содержится в различении философии как «науки» (Аристотель, И. Кант, Ф. Шеллинг, Э. Гуссерль), «тотального знания» (Г. Гегель, А. Шопенгауэр, Г. Риккерт), а также в виде особой «формы существования» (С. Кьеркегор, К. Ясперс и др.). Вследствие этого, целостная суть философского знания непосредственно затрагивает стремление охватить предмет исследования максимально полным по смыслу утверждением. Полнота смысла не зависит от собственной систематичности (Аристотель, И. Кант, Г. Гегель и др.), либо частичной, или даже полной, бессистемности (С. Кьеркегор, К. Ясперс и др.). В то же время категоричность вступает в очевидное противоречие с историчностью самой философии. Таким образом, любую разновидность знания дан-

ного рода следует представлять в контексте интенции на предельность утверждения и потенции самоотрицания такой интенции в свете актуальной мультивариативности частых «пределов» (в другой работе мы отразили это для частного случая логического знания как истинностный мультисигнификатизм, т.е. многозначность операциональных систем [6, с.11]). Следовательно, устранение противоречивости в перспективе общности фундамента процессов дифференциации и интеграции наук оказывается принципиально затрудненным. Философский подход *in toto* раскрывается со стороны сущностной парадоксальности, предполагая аналогичный способ понимания собственной направленности на конкретные предметные области.

Это имеет определенные следствия с точки зрения поставленного вопроса о базисе взаимодействия социального и естественнонаучного знания, особо значимые при соотнесении данных областей знания на примере правоведения и физики. Эти науки являются своего рода предельными случаями, выражая специфику каждой из областей и включая, с одной стороны, процесс выработки законов и норм общественной жизни, а с другой – открытие собственных законов функционирования материальной природы. (Идея И. Канта о том, что «рассудок есть источник законов природы» [5, с. 146], как следует из утверждений некоторых представителей самого естествознания [4, с. 105–106], не трактуется в качестве безусловно приемлемой.)

В данном контексте классическая интерпретация правоведения подразумевает направленность на исследование сферы общественной жизни, конституированной процессами регуляции отношений между отдельными лицами, между частным лицом и надличностными объединениями (например, государством). Базовыми категориями (по Г. Гегелю) выступают право, собственность, договор, а также право против нарушенного права [2, с. 329–334]. Естествознание в целом и в особенности физика, согласно К. Попперу, решают фундаментальную задачу создания когерентной и понятной картины Вселенной [10, с. 13]. В свою очередь Т. Кун в ходе анализа социальных функций естественнонаучных направлений выделяет комплекс ценностей, объединяющих научное сообщество: точность предсказаний, предпочтительность количественных предсказаний перед качественными, простота, несампротиворечивость, правдоподобность [7, с. 237–238].

Таким образом, с естественнонаучной точки зрения социальные направления исследований вообще и правоведение в частности будут выступать элементом научного знания, если их базовые категории связываются в целостную непротиворечивую картину жизни общества и человека как особых мо-

ментов Вселенной и могут служить основой для формулировки точных количественных предсказаний в поле регуляции межличностной деятельности. Другими словами, нормы социального знания получают статус «научности» только в ситуации обеспечения недвусмысленности толкования, а также невозможности игнорировать их непосредственное действие (нарушить государственный закон, например).

С позиции социальных наук, естествознание оперирует набором безличных моделей, позволяющих, в частности в физике, отобразить природные процессы в форме математических уравнений, и не может быть полностью соотнесено с социальным пространством. Например, законодательные нормы, как своего рода «формулы» права, имеют обезличенную природу, но соразмеряются с миром межличностных связей, служат целям их регуляции (более подробно о критике эволюционистской интерпретации социального знания пишет J.M. Vrugt [19]). Следовательно, дистанция между социальным и естественнонаучным знанием предстает в априорном и непреодолимом виде (статус законов развития общества раскрыт и проанализирован с точки зрения их значения в рамках социальной жизни в работах С. Farrelly и J.J. Wisnewski [20; 21]).

В то же время с философской точки зрения взаимодействие социального и естественнонаучного знания должно обладать признаками парадоксальности и не может быть лишено внутренних противоречий. Это означает, что прямое отнесение ценностей, конституирующих сообщество ученых – представителей естествознания, к базовым принципам анализа, например проблематики социально-правовых отношений, оказывается затрудненным. Требуется опосредовать систему ценностей некоторыми моментами, определяющими ее относительность и многовариантность, особенно в ситуации отрицания значимости установок на простоту теорий и преобладание количественных предсказаний над качественными.

На базе вышесказанного можно сделать целый ряд выводов. Во-первых, перспектива интеграции социального и естественнонаучного знания связана с переводом параметров частнонаучных направлений исследовательской деятельности в измерение философского понимания парадоксальной природы познания в целом. Во-вторых, в качестве фундамента равнозначности процессов интеграции и дифференциации наук обнаруживается затрудненность общематериалистического основания. Естествознание служит исследованию материальной природы и не может быть непосредственно соотнесено с областью гуманитарного знания (по крайней мере, в случае отражения регуляции социально-правовых отношений). В-третьих, с очевидностью проявляется равная возможность взаимодействия социального и естественнонаучного знания на базе особой версии философского подхода к проблемам научных исследований, а также затрудненность интерпретации этого базиса в плане простоты и непротиворечивости.

Данные выводы опровергают частный случай теории, в идеале подразумевающей одновременно как общематериалистическую ориентированность научного знания, так и попытки обосновать в том же отношении необходимость его дифференциации. В то же время опровержение справедливо не в плане отрицания возможности интеграционных процессов или необходимой дифференциации наук, а в отношении коррекции онтологического основания, отсылающего к принципам материалистической интерпретации мира.

Вместе с тем обоснованной оказывается относительная автономия комплекса социальных наук в общей структуре взаимодействия с естественнонаучным знанием. Социальное знание, в общем случае, выступает особым ответвлением науки, функционирующим в рамках процессов междисциплинарной интеграции. Сама интеграция опирается на противоречивую идею целостности научного знания, являясь надстройкой, реальным выражением такой целостности противоречий *in toto*.

Литература

1. Аристотель. Соч.: В 4 т. М., 1976–1983. Т. 1.
2. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук: В 3 т. М., 1974–1977. Т. 3.
3. Гуссерль Э. Логические исследования. Картезианские размышления. Минск; М., 2000.
4. Илларионов С.В. Современная наука объективна так же, как и классическая // Наука: возможность и границы. М., 2003.
5. Кант И. Критика чистого разума. М., 1998.
6. Куликов С.Б. Критика Э. Гуссерлем оснований физико-математического естествознания: релятивистские следствия // Философия науки. 2005. № 4.
7. Кун Т. Структура научных революций. М., 2002.
8. Кьеркегор С. Наслаждение и долг. Ростов н/Д, 1998.
9. Никифоров А.Л. Философия науки: История и методология (учебное пособие). М., 1998.

10. Поппер К. Квантовая теория и раскол в физике. М., 1998.
11. Риккерт Г. Философия жизни. Минск; М., 2000.
12. Соловьёв В.С. Соч.: В 2 т. М., 1990. Т. 2.
13. Сыров В.Н. Введение в философию истории: Своеобразие исторической мысли. М., 2006.
14. Шеллинг Ф.В. Сочинения. М., 1998.
15. Шестов Л. Соч.: В 2 т. М., 1993. Т. 1.
16. Шестов Л. Сочинения. М., 1995.
17. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. Минск, 1998. Т. 1.
18. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1994.
19. Bryant J.M. An evolutionary social science? A skeptic's brief, theoretical and substantive // *Philosophy of the Social Sciences*. 2004. Vol. 34. No. 4.
20. Farrelly C. Historical materialism and supervenience // *Philosophy of the Social Sciences*. 2005. Vol. 35. No. 4.
21. Wisniewski J.J. The relevance of rules to a critical social science // *Philosophy of the Social Sciences*. 2005. Vol. 35. No. 4.

Н.В. Погукаева

ТЕМАТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОРИЕНТАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ НАУКИ

Томский политехнический университет

Особенностью современного этапа анализа науки является стремление философов, социологов и историков науки к выработке таких методов исследования, которые были бы релевантны изучаемому объекту. Наука более не рассматривается как замкнутый, изолированный от фактов, лежащих за ее пределами объект, поэтому анализ социокультурного окружения является одним из магистральных направлений в ее исследовании [1].

В конце XX в. сформировалось направление, получившее название «Социальные исследования науки», программа которых отражает ряд наглядно проявляющихся тенденций в западной социологии науки, а именно: интерес к анализу содержания научного знания в любых его формах, интерес к науке как подсистеме культуры и установлению зависимости между отдельными элементами научного знания и социокультурными реалиями.

Идейной платформой, на основе которой стало возможным формирование столь неоднородного направления, является социология знания, поэтому в англо-американской традиции данное направление нередко называют «социология научного знания» (SSK – sociology of scientific knowledge).

Представители «Социальных исследований науки» пересмотрели исходные принципы неопозитивизма в отношении методологии научного познания и радикальным образом изменили сам предмет изучения. С точки зрения постпозитивизма предметом изучения должна быть наука как целостная, динамичная, развивающаяся система, как продукт и важный фактор развития общества.

На рубеже 90-х годов XX в. возник целый спектр разнообразных, но близких по своим методологическим основаниям концептуальных схем социального исследования науки, сделавших предметом анализа сам процесс зарождения научного знания в контекстном пространстве научного сообщества.

Получили известность: «интерпретативная» социология науки (Дж. Лоу, Д. Френч), «конструктивистская программа» (К. Кнорр-Цетина), релятивистская программа (У. Коллинз), дискурс-анализ (М. Малкей, Дж. Гилберт), этнометодологические исследования (Г. Гарфинкель, С. Уолгар), этнографические изучения науки (И. Элкана) [1].

В рамках социальных исследований науки сформировалась оригинальная концепция тематического анализа американского философа и социолога науки Джерольда Холтона (Gerald Holton), которая может стать одним из адекватных методов изучения научного знания и научного творчества [2].

Дж. Холтон предлагает новый взгляд на историю науки, стремясь представить ее как одно из зеркал, в которых отражается культурная жизнь определенной эпохи. Его концепция «тематического анализа» предложена в качестве дополнения к стандартному анализу науки, который, с точки зрения философа, ограничивается главным образом эмпирическим и аналитическим (логико-математическим) содержанием знания.

Исследование науки предполагается, прежде всего, как опыт творческого осмысления некоторых событий. Согласно Дж. Холтону, в этом событии может быть выделено не менее восьми аспектов,